

ФРЕЙД О СЕКСУАЛЬНОСТИ И ЛЮБВИ

Зигмунд Фрейд (1856–1939) по праву считается одним из крупнейших австрийских психологов и психопатологов, в чью сферу профессиональных интересов входило изучение различных сексуальных отклонений. Этому во многом способствовала работа Фрейда с пациентами, заболевания которых были чаще всего связаны именно с переживаниями трудностей в половых отношениях; с другой стороны, Фрейд продолжал исследования своих старших коллег. «Три очерка по теории сексуальности» (1905) Фрейда как бы завершают классические изыскания Р. Крафт-Эбинга¹ («Половая психопатия», 1886), Хавелока Эллиса² («Сексуальная инверсия», 1897) и других сексопатологов, продемонстрировавших на обширном материале разнообразие объектов и целей половой деятельности людей.

И все же читателю сборника не следует рассчитывать, что после его прочтения он обретет ясные и доказательные знания по рассматриваемым в нем проблемам. Вряд ли стоит этому удивляться. Ведь давно подмечено, что чаще всего о вещах весьма важных и, казалось бы, хорошо известных мы знаем гораздо меньше, чем хотелось бы. На ум приходят слова Августина Блаженного³, который более полутора тыся-

* Здесь и далее цифрами обозначены ссылки на примечания в конце книги.

четелый назад писал: «Что же такое время? Если меня об этом никто не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю»*. Так и в данном случае: хотя состояние полового возбуждения или пылкой влюбленности знакомо подавляющему большинству людей, описание — не объяснение — их удается разве только поэтам. Да и тем порой на помощь приходит философия: ведь искушенный в любви и в ее поэтизации Б. Л. Пастернак писал: «А прелести твоей (возлюбленной. — Р. Д.) секрет разгадке жизни равносильен».

Впрочем, не следует пренебрегать и более простым предположением: известная невнятность и недоказательность фрейдовских суждений о любви и сексе вызвана тем, что он обратился к этим жизненно важным вопросам с сильным запозданием — ему уже было изрядно за пятьдесят, его страстная и долго сдерживаемая чувственная любовь к Марте Бернейс, будущей жене, давно покрылась патиной забвения, да и вообще, к тому времени его половая жизнь, по мнению многих биографов, полностью угасла. Но от этого бесхитростного предположения довольно быстро придется отказаться. Конечно, поэты пишут о любви и о связанных с нею переживаниях обычно в молодости, реже — в зрелые годы, их творения переполнены чувствами восторга или страдания, и они впечатляют читателя, но в этом потоке эмоций трудно уловить какие-то четкие и связные мысли, да и их содержание сугубо индивидуально, оно несколько не претендует на обобщенность. Фрейд же — один из первых мыслителей, рискнувших заговорить о подобных сторонах человеческой жизни на языке науки, а в таком случае уместно звучит поговорка: «Великое видится на расстоянии». То бишь научному исследованию проблем, реалистическому и беспристрастному, более

* Августин. Исповедь. СПб.: Канон, 1997. С. 217.

всего подходит время, когда неудержимость любовных страстей подвыдохлась и стал возможен трезвый, свободный от любых пристрастий взгляд на них. И не забудем, что, как и в ряде других случаев, Фрейд не убоился стать первопроходцем, а прокладывать дорогу всегда весьма затруднительно. Отметим также, что и до сего дня только немногие философы, психологи или социологи рискуют братья за подобные животрепещущие, но комплексные и многомерные темы.

Заметим еще, что логически выверенный, с вполне определенными и окончательными выводами текст (скажем, Аристотеля или Гегеля), по обыкновению, подчиняет себе мышление читателя, тогда как не вполне последовательное и доказательное обсуждение проблем способно стимулировать читательский интеллект. Мы признаем: статьи данного сборника не упрекнешь в избытке готовых и окончательных выводов, но зато они повествуют об интересующих любого читателя вопросах таким образом, что побуждают его искать собственные ответы на них.

* * *

А теперь рассмотрим понятия и идеи, образующие главное содержание сборника.

Имя Фрейда прочно ассоциируется у большинства образованных людей с «бессознательным», «либидо», «сексуальным влечением» и некоторыми другими терминами. И действительно, они являются основополагающими для психоаналитической теории в целом.

Бессознательное обозначает скрытые от сознания человека глубины его собственной психики. Не мудрствуя лукаво, можно сказать: его составляют те компоненты психики, о которых ее владелец ничего не знает и, более того, не хочет знать. Фрейд считал своей заслугой открытие путей проникновения в это

подполье — метод свободных ассоциаций, толкование сновидений, ошибочных действий и т. п. Он не раз сравнивал себя с археологом, проникающим под поверхность земли (сознание человека) и ведущим раскопки в глубже расположенных культурных слоях (в его бессознании), где обнаруживает инцестуозные, эдиповы и другие побуждения.

Либи́до (лат. желание, вожеление) — это энергия сексуального влечения, проистекающая из функционирования гениталий и эрогенных зон, вызывающая половое возбуждение, направленное на получение удовольствия. Оно относится к сексуальности, как голод — к насыщению пищей. Поскольку сексуальность человека весьма вариабельна по искомому объекту, преследуемой цели и источнику энергии, то именно либи́до в результате сублимации⁴ делает возможными самые разнообразные виды человеческой деятельности, то есть служит энергетической основой не только эгоистических, но и социокультурных действий. Правда, бывшие сподвижники создателя психоанализа, Карл Юнг⁵ и Альфред Адлер⁶, в своих психологических теориях успешно обошлись без сексуализации изначальной психической энергии, да и сам венский психоаналитик в конце жизни предположил наличие противоположно направленной психической энергии агрессивного влечения, иногда называемой нигридо (лат. *niger* — мрачный, злобный), но описать сколько-нибудь подробно ее свойства просто-напросто не успел. Так что независимо от намерений Фрейда в его портрете человека преобладают цвета и оттенки, так или иначе связанные с сексуальностью. Вряд ли такое обеднение сути человека правомерно.

В термине «сексуальное влечение» относительно просто определить его вторую часть. *Влечение* (нем. *Trieb* — порыв, импульс, побуждение, в английских переводах — *instinct* или *drive*) — это состояние нужды организма, которое требует действий по ее удовле-

творению в условиях, когда подходящий объект от рождения жестко не зафиксирован, проще говоря, секс, как и голод, допускает целый ряд вариантов удовлетворения. Такое состояние человека вполне удачно, на наш взгляд, хотя и с оттенком иронии, описывает М. Е. Салтыков-Щедрин: «Я сидел дома и, по обыкновению, не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось, не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать»*. Иными словами, влечение — это ненаправленная или плохо направленная поисковая реакция, обладающая энергией, которая позволяет довести ее до удовлетворения.

В психоанализе содержание понятия «*сексуальное*» выглядит по сравнению с общепринятым словоупотреблением заметно более расширенным, а поскольку границы его четко психоаналитиком не установлены, то и гораздо менее определенным. Как и во многих других случаях, Фрейд начинает с «разоблачения» широко распространенного представления, согласно которому под сексуальностью понимают комплекс переживаний и действий, связанных с функционированием половых органов и эрогенных зон, призванных обеспечить воспроизводство людей. Австрийский же психолог обоснованно утверждал, что эта функция у людей сравнительно с животными значительно ослаблена и человеческая сексуальность более всего направлена на получение удовольствия. Тут возникает вопрос о классификации удовольствий, поскольку не все они являются сексуальными. Фрейд же, по сути, выделяет всего два вида удовольствий: чисто физиологические (от принятия пищи, от дыхания, испражнений и т. п.), связанные напрямую с выживанием человека, и все остальные, цель которых — удовольствие ради удовольствия (сосание груди матери — первого рода, сосание

* Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1971. Т. 12: Культурные люди. С. 295.

пустой соски — второго). Логичнее предположить, что, хотя удовольствия от ласки, симпатии, привязанности и т. п. часто смыкаются с сексуальными, они образуют в то же время особую группу, не говоря уже о том, что многие удовольствия человека (некоторые из них существуют и у высших животных) не имеют сколь-нибудь зримой связи с физиологическими или сексуальными удовольствиями. Скажем, удовольствие от игры, от любознательного поведения, от социальных или культурных достижений и т. д. Психоаналитическая же теория, опираясь на представление о либидо и его сублимации, почти все, доставляющее удовольствие, производит от сексуальности. Конечно, какой-то упорный защитник психоанализа может сказать, что удовольствие от художественного или научного достижения производно от удовольствия по «овладению объектом», а патриотическая деятельность имеет корни в любви к матери (не случайно, мол, говорят о Родине-матери), нам же они представляются проявлениями свойственного психоаналитикам редукционизма (сведение сложного к простому) и отсутствия у них четкого разделения сексуального и несексуального. Заметим также, что даже сторонники психоанализа признают, что не располагают «связной теорией сублимации, что остается существенным пробелом в психоаналитической мысли»*.

Еще менее приемлемо расширение сексуальности за счет допущения ее инфантильной формы, в которую Фрейд включает не только реально существующие у дошкольника генитальное возбуждение и удовольствие от манипулирования половыми органами (факты детского онанизма никто не оспаривает), но также относит к детской сексуальности широкий круг удовольствий от использования слизистой оболочки рта, губ, ануса, удовольствия после гигиенического ухода

* Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996. С. 518.

за кожей и т. п. Да, упомянутые части тела могут иметь эрогенное значение и даже доминировать при сексуальных отклонениях, но они приобретают такое значение только при определенных условиях или даже в исключительных случаях. Никому же не придет в голову объявлять валенки непременным условием ходьбы или называть возбуждающие фетишиста чулки его возлюбленной компонентом сексуальности.

Возникает законный вопрос: что же помешало замечательному врачу и психологу более четко разобраться с проблемой сексуальности, решению которой он посвятил более половины своей жизни? Нам видится несколько причин этого. Во-первых, сказалось то, что мы назовем «одержимостью новатора», побуждающей ученого, сделавшего какое-либо крупное открытие (а Фрейд, безусловно, открыл существенную роль нарушений половой жизни в возникновении невротических заболеваний), придавать ему более широкое, чем оно того заслуживает, значение. Во-вторых, приверженность архаическому представлению о развитии, четко выраженному в формуле Анаксагора «из ничего ничего не бывает». В соответствии с ней все возникает из некоего «семени», и Фрейд упорно, почти навязчиво, ищет у детей зародыши свойств зрелого человека (отсюда его гипотеза существования детской сексуальности). Но не забудем, что семя — далеко не плод, что в органах человека или в их функциях происходят в процессе развития радикальные перемены (вспомним об изменениях пропорций тела от младенчества до зрелости или о появлении у старшеклассника ранее отсутствующего логического мышления). Отметим, правда, что и сам психоаналитик фиксирует серьезные отличия зрелой сексуальности от инфантильной: вторая способна проявиться только в нежности, к которой после полового созревания присоединяется поток чувственности, и полноценная сексуальность призвана их объединить. И последнее — по

порядку, не по значению: похоже, на расширенное понимание «сексуальности» подспудно повлияло привитое классической гимназией юному Зигмунду представление об Эросе (Платон) — созидательной космической силе, пронизывающей все живое. Не случайно в конце жизни выросший мыслитель заговорил о борьбе Эроса и Танатоса, чей исход способен определить судьбу человечества*.

Решившись, видимо, первым заговорить о любви на языке науки, Фрейд полностью отдает себе отчет в неисчерпаемости и многоаспектности темы. Поэтому он останавливается только на нескольких проблемах психологии любви, примыкающих к более исследованной им концепции сексуальности. У австрийского психолога нет даже попытки определить понятие «любовь», его понимание этого слова приходится вышелушивать из его статей. Скорее всего, оно ближе к греческому Эросу — чувственной любви, — любви, вожделению, правда без присущей ей связи с размножением. В то же время, как он полагает, она начинается с семейной любви (любви между родителями и детьми, любви-нежности), которую греки называли *сторге*. Четкой границы между детской и зрелой сексуальностью у Фрейда нет, а соответственно, не различается любовь-нежность и любовь-вожделение. Фактически он рассматривает любовь как сторону сексуальности и не выделяет ее разновидности, тогда как в действительности понятие «любовь» выходит далеко за границы секса, и при научном изучении необходимо ее классифицировать. У греков их было еще две: любовь-дружба (*филия*) и любовь к богу и бога (*агапе*).

Не претендуя на многое, заметим: сексуальность и любовь не следует подводить под общий знаменатель. Состояние чувственной влюбленности чаще всего основано на росте вожделения (либидо, сексуально-

* См.: Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 336.

сти) и непременно сопровождается усилением определенного комплекса чувств, тогда как сексуальность можно свести к определенному поведению, набору известных действий. К тому же способность к эрекции и оргазму отнюдь не тождественна способности любить (можно говорить о несексуальных формах любви, и вспоминается даже описание Хемингуэем в романе «По ком звонит колокол» чувственной любви, переживаемой импотентом).

Но заметим также, что еще и сегодня ученые в исследовании любви редко выходят за границы ее простого описания.

* * *

Фрейда часто объявляли провозвестником сексуальной революции в Европе середины XX века. И действительно, для этого много оснований: он стремился понять (не оправдать!) причины сексуальных отклонений, указывал, что в ослабленной степени их можно обнаружить у так называемых нормальных людей, избегал говорить об извращениях, пользуясь более нейтральным словом «перверсия», фактически признавал равенство различных сексуальных ориентаций, выступал против ханжеской сексуальной морали XIX века и за многообразие форм удовлетворения сексуального влечения и т. д. и т. п. Однако подобные убеждения не сделали мыслителя, воспитанного в традициях XIX века, глашатаем безудержной сексуальной свободы. Он предостерегает: в подобном случае секс и любовь резко потеряют в цене, что делает жизнь людей, как это уже было в истории, пресной, безрадостной и пустой. Понизится, скорее всего, и желание рожать детей.

Нам представляется, что спорность фрейдовских утверждений о причинах различий между полами (из-за различий в переживании эдипова⁷ или родительского комплекса⁸, из-за гипотетической зависти

девочки к пенису⁹ мальчика) проистекает из двух изъянов его подхода к проблеме. Во-первых, он подходит к ней с позиции мужчины, а потому преувеличивает эти различия в пользу мужского пола. Во-вторых, Фрейд творил в те времена, когда проблема различий между полами выделась в качестве только психобиологической, тогда как во второй половине XX века стали выделять ее социокультурные аспекты. Сегодня многим понятно, что бытующее представление о полигамности мужчин и моногамности женщин вполне можно объяснить без обращения к биологии или психологии полов: представление о мужественности — своего рода «мачизм» (от *исп.* macho — мужчина, самец) — побуждает многих мужчин многократно завышать свои половые потребности и формирует соответствующее общественное мнение, отличающееся от реальной ситуации. Так что вооруженный подобными знаниями читатель имеет в отношении обсуждаемых в книге проблем определенные преимущества по сравнению, пожалуй, с самым известным психологом всех времен и народов.

И при жизни Фрейда, и после его смерти психоаналитические идеи мало кого оставляли равнодушными: одни восторгались ими, другие не менее пылко хулили их. Мы же постарались выделить и достоинства, и изъяны фрейдовской концепции сексуальности, признавая вместе с тем ее радикальность, масштабность и широчайшую популярность. Спустя почти столетие она, естественно, слегка потускнела, но при этом не перестала быть интересной и пробуждающей собственные размышления.

Р. Ф. Додельцев

Заклятие девственности

Лишь немногие детали сексуальной жизни первобытных народов так неприятно поражают наши чувства, как их оценка девственности, женской непорочности. Признание ее особо ценной просящим руки мужчиной представляется нам столь привычным и само собой разумеющимся, что мы теряемся, когда приходится обосновывать подобное мнение. Ведь требование, чтобы девушка не смела привносить в брак с одним мужчиной воспоминание о половом общении с другим, является не чем иным, как логичным продолжением права на исключительное обладание женщиной, что составляет сущность моногамии, распространением свойственной ей монополии на прошлое.

Позднее нам без труда удастся выделить и подтвердить в наших представлениях о любовной жизни женщины то, что поначалу показалось предрассудком. Первого, кто удовлетворил долгое, с трудом сдерживаемое любовное томление девственницы, преодолев при этом препоны, воздвигнутые в ней средой и воспитанием, она вовлекает в длительную связь, преимущества которой не откроются более никому. На основе этого события у женщины складывается чувство личной зависимости, служащее

нерушимой порукой продолжительного обладания ею и делающее ее способной сопротивляться новым впечатлениям и соблазнам со стороны.

Термин «половая зависимость» Крафт-Эбинг* ввел в 1892 году для обозначения того факта, что некое лицо может обрести крайнюю степень подчинения и несамостоятельности относительно другого лица, с которым состоит в половой связи. Эта зависимость может порой заходить очень далеко, вплоть до полной утраты самостоятельной воли и до причинения тяжелейшего урона собственным интересам; автор, впрочем, не преминул заметить, что определенная мера такой подчиненности «совершенно необходима, если брачный союз призван быть хоть сколько-то продолжительным». Подобного рода зависимость действительно необходима для поддержания цивилизованного брака и для устранения угрожающих ему полигамных устремлений, и в нашем гражданском обществе этот фактор обычно учитывается.

Из соединения «неординарной степени влюбленности и слабохарактерности», с одной стороны, безграничного эгоизма — с другой, фон Крафт-Эбинг выводит происхождение этой сексуальной зависимости. Однако психоаналитические данные не позволяют ограничиться таким простым вариантом объяснения. Более того, следует признать, что решающим фактором ее возникновения является величина преодоленного сопротивления женщины, а еще кратковременность и неповторимость процесса преодоления этого сопротивления. Сообразно этому, зависимость встречается несравненно чаще

* *Krafft-Ebing R. von. Bemerkungen über geschlechtliche Horigkeit und Masochismus (Крафт-Эбинг Р. фон. Заметки о половой зависимости и мазохизм) // Jahrbücher für Psychiatrie. 1892. Bd. X.*

и в гораздо более сильной форме у женщины, чем у мужчины; впрочем, в наше время у последнего все же чаще, чем в Античности. В тех случаях, когда мы имели возможность изучать сексуальную зависимость мужчин, она оказывалась результатом преодоления психической импотенции с помощью определенной женщины, к которой исцелившийся мужчина накрепко привязывался. Многие странные бракосочетания и трагический исход некоторых из них — вместе с далекоидущими последствиями — объясняются, видимо, подобным событием.

Относительно упомянутого отношения первобытных народов неправильно считать, что они вовсе не ценят девственность, приводя в доказательство тот факт, что они позволяют дефлорировать девушек вне брака и до первого супружеского соития. Напротив, видимо, и для них дефлорация — весьма важный акт, но он стал объектом табу, некоего запрета, который правомерно назвать религиозным. Вместо предоставления права совершить ее жениху или будущему супругу обычай требует, чтобы *они уклонились от подобной повинности**.

У меня нет намерения собрать все литературные свидетельства о наличии этого нравственного запрета, проследить его географическое распространение и перечислить все формы, в которых он проявляет себя. А потому удовольствуюсь констатацией, что такая, вынесенная за пределы предстоящего брака, ликвидация плевры весьма распространена у живу-

* *Crawley*. The mystic Rose, a study of primitive marriage (Кроули. Мистическая Роза: изучение первобытного брака). L., 1902; *Bartels-Ploß*. Das Weib in der Natur— und Völkerkunde (Бартельс-Плосс. Женщина в естествознании и в этнологии). 1891; различные места в кн.: *Frazer*. Taboo and the perils of the soul (Фрэзер. Табу и опасения души); *Havelock E.* Studies in the psychology of sex (Хавелок. Очерки по психологии секса).

щих сегодня первобытных народов. Кроули высказывается так: «This marriage ceremony consist in perforation of the hymen by some appointed person other than the husband; it is most common in the lowest stages of culture, especially in Australia»*.

Но если дефлорацию недопустимо совершать в ходе первого супружеского совокупления, то ее нужно провести до этого — каким-то иным способом или с помощью каких-то других лиц. Приведу несколько цитат из ранее упомянутой книги Кроули, которые сообщают сведения по этим вопросам, но заслуживают и нескольких критических замечаний с нашей стороны.

С. 191: «У диери и у некоторых соседних племен (в Австралии) есть одинаковый обычай разрывать плеву при достижении девушкой половой зрелости». «У племен Портленда и Гленелга эта операция у невесты выпадает на долю какой-нибудь старой женщины, а иной раз приглашают и белых мужчин с той же целью — лишить девицу девственности»**.

С. 307: «Иногда умышленный разрыв плевы совершают в детстве, но обычно в период полового созревания... Часто — как, скажем, в Австралии — это действие сопровождается ритуальным совокуплением»***.

* *Crawley. Op. cit. P. 347.* «Брачная церемония заключается в прободении плевы неким предназначенным для этого лицом, но не мужем; чаще всего это свойственно низшим ступеням культуры, главным образом в Австралии». (Далее везде перевод примечаний Э. Фрейда сделан Р. Ф. Додельцевым.)

** «Thus in the Dieri and neighbouring triabes it is universal custom when a girl reaches puberty to rupture the hymen». «In the Portland and Genelg tribes this is done to the bride by an old woman; and some times white man are asked for this reason to deflower maidens».

*** «The artificial rupture of the hymen sometimes takes place in infancy, but generally at puberty... It is often combined as in Australia, with ceremonial act of intercourse».

С. 348: По сообщению Спенсера и Гиллена об австралийских племенах, у которых существуют известные экзогамные ограничения браков: «Плева искусственно прорывается, а затем мужчины, которые при этой операции присутствовали, совершают с девушкой коитус (подчеркнем, церемониальный)... У всего процесса два, так сказать, акта: разрыв плевы, а после того половое сношение»*.

С. 349: «У масаев (в Экваториальной Африке) проведение этой операции входит в число важнейших приготовлений к свадьбе. У сакаи (Малайя), батта (Суматра) и альфоер на Целебесе дефлорацию совершает отец невесты. На Филиппинах существовали специально назначенные мужчины, профессией которых было дефлорировать невест, если плева не была порвана в детстве уполномоченной на это старой женщиной. У некоторых эскимосских племен право лишить невесту девственности предоставлено *ангекоку*, или шаману»**.

Замечания, о которых я предупреждал, касаются двух моментов. Во-первых, приходится сожалеть, что в процитированных сообщениях не проведено более детальное различие между простым уничтожением плевы без совокупления и совокуплением с целью ее уничтожения. Только в одном случае мы четко усвоили, что процесс распадается на два

* «The hymen is artificially perforated, and then assisting men have access (ceremonial, be it observed) to the girl in a stated order... The act is in two parts, perforation and intercourse».

** «An important preliminary of marriage amongst the Masai is the performance of this operation on the girl. This defloration is performed by the father on the bride amongst the Sakais, Battas and Alfoers of Celebes. In the Philippines there were certain men whose profession it was to deflower brides, in case the hymen had not been ruptured in childhood by an old woman who was sometimes employed for this. The defloration on the bride was amongst some Escimo tribes entrusted to the *angekok*, or priest».

действия: на дефлорацию (мануальную или инструментальную) и следующий за этим половой акт. Очень богатый, как обычно, материал Бартельса-Плосса почти непригоден для наших целей, потому что в его изложении психическая важность акта дефлорации ничтожно мала по сравнению с его анатомическими последствиями. Во-вторых, желательнее было бы получить сведения, чем «церемониальный» (чисто формальный, торжественный, ритуальный) коитус отличается в этих случаях от настоящего полового сношения. Доступные мне авторы были либо слишком стыдливы, чтобы высказываться по этому поводу, либо опять-таки недооценивали психическое значение таких сексуальных деталей. Будем надеяться, что подлинные сообщения путешественников и миссионеров более обстоятельны и менее расплывчаты, но при нынешней недоступности подобного рода литературы¹⁰, в основном иноязычной, не могу об этом сказать ничего более определенного. Впрочем, сомнениями в связи со вторым пунктом можно пренебречь, ввиду того что церемониальный псевдокоитус представляет собой всего лишь суррогат и как бы воздаяние за всерьез осуществляемое в более давние времена совокупление*.

К объяснению этого табу на лишение девственности можно привлечь разнообразные факторы, которые я намерен кратко описать и оценить. Как правило, при дефлорации девицы проливается кровь; первая попытка понять истоки табу, кроме всего прочего, отсылает к боязни крови у дикарей, считающих

* Касательно других многочисленных вариантов церемонии бракосочетания не вызывает никакого сомнения, что отличным от жениха лицам, например его помощникам и товарищам (шаферам, согласно нашему обычаю), предоставляется полное право сексуально распоряжаться невестой.

ее обителью жизни. Это табу крови — плод многочисленных предписаний, ничего общего не имеющих с сексуальностью; оно явно примыкает к запрету «не убий» и служит оборонительным сооружением против изначальной кровожадности, против жажды убийства прачеловека. При таком понимании зачатие девственности соединено с соблюдаемым почти повсеместно табу менструации. Дикарь не в состоянии отделить загадочный феномен ежемесячного истечения крови от садистских представлений. Менструацию, особенно первую, он толкует как укус животного-призрака, предположительно как знак совокупления с ним. Иной раз поступают некие сведения, позволяющие узнать в нем души некоего предка¹¹, и тогда, опираясь на другие их представления¹², мы понимаем, что менструирующая девушка, будучи собственностью этого духа-предка, является табу.

Но, с другой стороны, остережемся переоценивать влияние единственного фактора вроде боязни крови. Ведь эта боязнь не сумела упразднить обряды, подобные обрезанию мальчиков или еще более жестокого обрезания девочек (удаление клитора и малых, срамных губ), которые зачастую практикуются у тех же народов, или пресечь отправление какого-то другого церемониала, при котором проливается кровь. Так что не было бы ничего удивительного, если бы она была преодолена при первом совокуплении во благо супруга.

Второе объяснение точно так же пренебрегает сексуальностью, но гораздо дальше углубляется в общие проблемы. Оно ссылается на то, что дикарь — жертва страха перед постоянно подстерегающей его

* См.: Тотем и табу. 1913.

опасностью, что он совершенно неотличим от людей, страдающих неврозом страха, как мы утверждаем в психоаналитическом учении. Эта склонность бояться проявляет себя сильнее всего в ситуациях, которые как-то отличаются от привычных, несут с собой что-то новое, неожиданное, непонятное, тревожащее. Потому-то и возникает принятый вплоть до появившихся позднее религий церемониал, связанный с любым новым почином, с началом каждого временного цикла, с появлением первенца человека, животного или первого плода. Опасности, в угрозу которых верит объятый страхом человек, никогда, будучи предчувствуемыми, не выглядят более грозными, чем в начале таящей опасность ситуации, и только тогда целесообразно защищаться от них. По своему значению первое брачное половое сношение определенно требует принятия мер предосторожности. Оба варианта объяснения — из боязни крови и из страха перед всем совершаемым впервые — не противоречат, а скорее усиливают друг друга. Первое сексуальное общение — это, несомненно, рискованное деяние, тем более если в ходе него должна пролиться кровь.

Третье объяснение — его предпочел Кроули — подчеркивает, что табу на лишение девственности входит в большую, охватывающую всю сексуальную жизнь систему. Не только первое совокупление с женой, но и вообще половой акт является табу; можно даже сказать: на женщину в целом наложен запрет. Она запретна не только в особых, вытекающих из ее половой специфики ситуациях с менструациями, беременностью, родами и с послеродовым периодом, даже за их пределами сношение с женой подвержено столь серьезным и многочисленным ограничениям, что у нас есть все основания усомниться в предпо-

лагаемой сексуальной свободе дикарей. Верно, что сексуальность первобытных людей в определенных случаях сокрушает любые препоны, но обычно она опутана запретами, пожалуй, сильнее, чем на более высоких ступенях культуры. Как только мужчина собирается предпринять что-то особенное — путешествие, охоту, военные действия, — он обязан воздерживаться от контактов с женщиной, тем более от половых сношений с ней; в противном случае его силы были бы подорваны и его подстерегала бы неудача. Да и в обычаях повседневной жизни явно проступает стремление к разделению полов. Женщины живут вместе с женщинами, мужчины — с мужчинами; семейная жизнь в нашем смысле слова у многих первобытных народов вряд ли имеет место. Это разъединение заходит иной раз так далеко, что один пол не вправе произносить имена лиц другого пола, а женщины формируют язык с особым запасом слов. Сексуальная потребность может опять и опять, снова и снова прорывать эти разделительные барьеры, но у некоторых племен даже свидания супругов должны происходить вне дома и тайно.

Там, где дикарь установил табу, он страшится некой опасности, и нельзя отрицать, что во всех этих предписаниях избегания проявляет себя боязнь женщины в принципе. Возможно, она основана на том, что та представляется иной, чем мужчина, вечно непонятной и полной таинственности, странной и потому недоброжелательной. Мужчина опасается, что, потратив силы на женщину, заразится ее женственностью и в таком случае окажется беспомощным. Усыпляющее, снимающее напряжение воздействие совокупления может служить оправданием этого опасения, а восприятие влияния, которое женщина оказывает с помощью полового общения на мужчину,

почитания которого она тем самым добивается, оправдывает распространенность этого страха. Во всем этом нет ничего, что устарело бы, перестало жить среди нас.

У многих наблюдателей жизни нынешних дикарей сложилось впечатление, что их любовные устремления сравнительно слабы и никогда не достигают интенсивности, которую мы привыкли обнаруживать у цивилизованного человечества. Другие оспаривают такую оценку, но в любом случае перечисленные использования табу свидетельствуют о существовании силы, противящейся любви, поскольку она отвергает женщину как чуждую и враждебную.

В выражениях, которые только чуть-чуть отличаются от терминологии, используемой психоанализом, Кроули поясняет, что каждый индивид обособляется от другого с помощью «*taboo of personal isolation*»¹² и что мелкие различия при сходстве в главном становятся основанием чувства отчужденности и враждебности между ними. Было бы заманчиво последовать за этой идеей и вывести из этого нарциссизма малых отличий¹³ враждебность, которая в любых человеческих отношениях успешно, как мы видим, борется с чувством единения и берет верх над заповедью любви ко всякому человеку. Основываясь на нарциссическом, обильно приправленном пренебрежением, отрицательном отношении мужчины к женщине, психоанализ утверждает, что сумел разгадать его основной смысл с помощью отсылки к комплексу кастрации¹⁴ и его влиянию на суждение о женщинах.

Между тем мы замечаем, что последние рассуждения далеко вывели нас за пределы нашей темы. Всеобъемлющее табу женщины не вносит ясность в особые предписания относительно первого полового